

Г. А. МАКСИМОВИЧЪ.

„Дѣятельность Румянцева-Задунайскаго по управленію Малороссіей“ Т. I. Нѣжинъ. 1913 г. (357+40).

Изслѣдованіе г. Максимовича посвящено дѣятельности перваго генераль-губернатора Малороссіи — П. А. Румянцева, на котораго императрицею Екатериною II, по уничтоженіи ею гетманства въ Малороссіи, возложена была задача „привести въ единство“ Малороссію съ Великороссією. Глубоко интересная по задачѣ своей дѣятельность П. А. Румянцева въ Малороссіи обращала на себя вниманіе историковъ до появленія въ свѣтъ труда г. Максимовича, но предметомъ спеціальнаго изслѣдованія не была. Г. Максимовичъ задался цѣлью пополнить этотъ пробѣлъ.

Изслѣдованіе его состоитъ изъ двухъ частей. Въ первой, состоящей изъ трехъ главъ (63 стр.), авторъ говоритъ о жизни и личности П. А. Румянцева (гл. I), о взглядахъ и отношеніи правительства къ Малороссіи (гл. II) и о назначеніи П. А. Румянцева генераль-губернаторомъ Малороссіи (гл. III). Первая часть изслѣдованія носитъ характеръ вводный: авторъ на основаніи источниковъ обрисовываетъ далеко не заурядную личность П. А. Румянцева и говоритъ объ отношеніи Екатерины II къ Малороссіи. Отмѣчая особый интересъ къ Малороссіи Екатерины II, проявленный ею съ самаго вступленія на престолъ, г. Максимовичъ задается вопросомъ объ источникѣ, изъ котораго императрица черпала представленіе о Малороссіи. Такъ какъ изъ лицъ, близко стоящихъ къ Екатеринѣ II, хорошо зналъ этотъ край Г. Н. Тепловъ, ея статсъ-секретарь, считающійся авторомъ извѣстной „Записки о непорядкахъ въ Малороссіи“, г. Максимовичъ полагаетъ, что Тепловъ съ его „Запискою“ сыгралъ важнѣйшую роль какъ въ образованіи взгляда Екатерины II на Ма-

лороссію, такъ и въ дѣятельности Румянцева въ Малороссіи, избраннаго императрицею быть исполнителемъ ея предначертаній. Такая роль Теплова и его „Записки“ побудила г. Максимовича остановиться на личности Теплова и на его „Запискѣ“. Изложивъ содержаніе ея вкратцѣ, г. Максимовичъ указываетъ, въ чемъ, по мнѣнію автора ея, сказывались непорядки въ Малороссіи съ точекъ зрѣнія соціальной, правовой и экономической: малороссійская старшина притѣсняла казаковъ и посполитыхъ; въ судахъ, при отсутствіи единого, яснаго и полного права, происходили злоупотребленія; народное хозяйство находилось въ упадкѣ главнымъ образомъ вслѣдствіе свободы крестьянскаго перехода и распространенія пьянства. Познакомивъ читателя своего съ состояніемъ Малороссіи по „Запискѣ“ Теплова, авторъ, въ виду разныхъ мнѣній о времени ея составленія, приводитъ основательныя соображенія, въ силу которыхъ относитъ составленіе ея ко времени не ранѣе конца 1762 г. и не позже 1763 г. (стр. 43).

Сказавъ о роли Теплова въ образованіи точки зрѣнія Екатерины II на Малороссію, г. Максимовичъ останавливается на двухъ документахъ, въ которыхъ главнымъ образомъ выразилось отношеніе императрицы къ Малороссіи, именно: на „Секретнѣйшемъ наставленіи кн. А. Вяземскому“, назначенному генераль-прокуроромъ сената, и на „Наставленіи“, данномъ гр. П. А. Румянцеву при назначеніи его малороссійскимъ генераль-губернаторомъ, съ собственноручными прибавками Екатерины II. Обзоръ содержанія „Наставленія“ привелъ г. Максимовича къ основательному заключенію, что во взглядѣ на Малороссію „Наставленіе“ находится въ полной и прямой зависимости отъ „Записки“ Теплова (стр. 47—49). При этомъ г. Максимовичъ указываетъ, что „Наставленіе“, вмѣняя въ обязанность генераль-губернатору уничтоженіе непорядковъ въ Малороссіи, имѣетъ въ виду не столько благосостояніе ея, сколько увеличеніе казенныхъ доходовъ и уничтоженіе антагонизма между великорусскою и малорусскою народностями (стр. 50). Въ послѣдней 3-й главѣ I ч. (стр.

51—63) авторъ говоритъ объ учрежденіи малороссійской коллегіи, президентомъ которой и генераль-губернаторомъ Малороссіи назначенъ былъ Румянцевъ, о власти генераль-губернатора и объ отношеніи его къ малороссійской коллегіи; сравниваетъ вновь учрежденный порядокъ управленія Малороссіей съ прежними формами управленія ею и слѣдитъ за первыми шагами Румянцева въ роли генераль-губернатора Малороссіи. Г. Максимовичъ останавливается на докладѣ Румянцева, который тотъ, вскорѣ по вступленіи въ новую должность, представилъ императрицѣ; въ этомъ докладѣ Румянцевъ намѣтилъ программу своей дѣятельности въ Малороссіи. Анализируя этотъ докладъ, г. Максимовичъ оцѣниваетъ его, какъ результатъ той теоретической подготовки къ управленію Малороссіей, какую Румянцевъ получилъ въ „Наставленіи“ и отъ Теплова. Послѣ отправленія императрицѣ своего доклада Румянцевъ предпринялъ объѣздъ ввѣреннаго ему края. Г. Максимовичъ останавливается на этомъ объѣздѣ, чтобы опредѣлить, что вынесъ изъ него Румянцевъ въ смыслѣ знакомства съ краемъ и съ его нуждами путемъ непосредственныхъ наблюденій. Авторъ заключаетъ, что Румянцевъ, приступившій къ своей дѣятельности по управленію Малороссіей съ теоретическими представленіями о ней, благодаря объѣзду лично ознакомился съ дѣлами и порядками въ ней. Этою 3-ю главою заканчивается I часть —вводная—изслѣдованія г. Максимовича. Въ этой части авторъ обрисовалъ и самого Румянцева и тѣ обстоятельства, при которыхъ онъ сталъ правителемъ Малороссіи. Слѣдующая II часть изслѣдованія посвящена дѣятельности Румянцева, какъ генераль-губернатора Малороссіи.

Можно ли признать, что представленія Румянцева о ввѣренномъ ему краѣ предвѣщали удачный исходъ возложенной на него миссіи? Признаніе той или иной степени подготовки Румянцева къ выполненію возложенной на него задачи важно при сужденіи о дѣятельности его въ Малороссіи въ качествѣ правителя ея. Врядъ ли теоретическія и конкретныя представленія Румянцева о ввѣренномъ

его управленію краѣ могутъ быть признаны удовлетворительными. Такъ можно заключить на основаніи данныхъ, представленныхъ г. Максимовичемъ. Самъ онъ указываетъ, разбирая содержаніе доклада Румянцева, представленнаго императрицѣ, что Румянцевъ 8 апр. 1765 г. пріѣхалъ въ Глуховъ и, не выѣзжая изъ Глухова, не ознакомясь лично съ порядками Малороссіи, что сдѣлалъ позже, 18 мая подаетъ императрицѣ обширный докладъ о порядкахъ Малороссіи и о средствахъ исправленія замѣченныхъ имъ непорядковъ, т. е. намѣчаетъ программу своей будущей дѣятельности и испрашиваетъ утвержденія ея (стр. 55). Такимъ образомъ Румянцевъ за 40 дней, сидя въ Глуховѣ, настолько познакомился съ состояніемъ Малороссіи, что былъ въ состояніи всесторонне описать нужды ея и указать способы къ удовлетворенію ихъ. Не удивительно, что извѣстный историкъ Малороссіи Лазаревскій, что имѣетъ въ виду и г. Максимовичъ, усомнился въ вѣрности даты на докладѣ Румянцева, указывающей время представленія этого доклада императрицѣ. Однако, какъ вѣрно замѣчаетъ г. Максимовичъ, имѣются несомнѣныя данныя, что докладъ Румянцева представленъ былъ императрицѣ именно 18 мая 1765 г. (стр. 56). Разсмотрѣвъ содержаніе доклада, г. Максимовичъ заключаетъ: „Мы видимъ, что большая часть его (доклада) не представляетъ изъ себя ничего новаго, это есть или повтореніе „Наставленія“, даннаго ему (Румянцеву) Екатериною, или же „Записки Теплова“. Г. Максимовичъ указываетъ новое въ докладѣ Румянцева: „пункты, касающіеся почты, артиллеріи, пороховыхъ заводовъ, тарифовъ, замѣны урядовыхъ мѣстностей жалованіемъ, образованія, открытія госпиталей, и новой печати“ (взамѣнъ существовавшей запорожской). Указавъ это новое, г. Максимовичъ замѣчаетъ: „такія явленія, какъ отсутствіе почты и школъ, Румянцевъ не могъ и самъ не замѣтить, привыкши къ болѣе высокой культурѣ за границей и въ столицахъ; или же недостатки артиллеріи, какъ военный человекъ. Съ другими же вопросами онъ, очевидно, познакомился или путемъ раз-

спросовъ подчиненныхъ ему людей, или же изъ бесѣды съ Тепловымъ“ (стр. 59—60). Приходится и въ томъ новомъ, что далъ въ своемъ докладѣ императрицѣ Румянцевъ, предполагать однимъ изъ источниковъ его того же Теплова, на долю же личныхъ наблюдений Румянцева относить весьма не многое. Оцѣнивая докладъ Румянцева, г. Максимовичъ признаетъ, что „мнѣнія его чрезвычайны рѣшительны и смѣлы, но мало продуманы“, и со стороны императрицы „планъ реформъ Румянцева получилъ утверждение только въ небольшой своей части, въ остальной своей части онъ былъ осторожно отклоненъ или отложенъ до болѣе зрѣлаго обсуждения“. Причина этому, объясняетъ г. Максимовичъ, въ томъ, что Румянцевъ „не обладалъ никакою административною опытностью и рѣшалъ дѣло просто и быстро, по военному“ (стр. 60). Тутъ опредѣленіе теоретической подготовки Румянцева къ управленію ввѣреннаго ему края, и опредѣленіе, съ которымъ врядъ ли можно спорить.

Докладъ Румянцева свидѣтельствуетъ, что авторъ его не представлялъ себѣ всей сложности порученнаго ему дѣла. Онъ пришелъ, не увидѣлъ, какъ слѣдовало, и написалъ докладъ. 18 мая 1765 г. докладъ Румянцева представленъ былъ императрицѣ, а 2 іюня того же года авторъ доклада отправился для ознакомленія съ ввѣреннымъ его попеченіямъ краемъ. Правильнѣе было бы поступить обратно: сначала отправиться для ознакомленія съ краемъ, а затѣмъ, ознакомившись, писать докладъ о нуждахъ его. 29 іюля, объѣздивъ часть Малороссіи, Румянцевъ возвратился въ Глуховъ, а 7 октября того же 1765 г. продолжилъ свой объѣздъ, окончивъ его 23 ноября. Этотъ второй выѣздъ Румянцева произошелъ, какъ замѣтилъ г. Максимовичъ, въ неудобное время: Румянцевъ ѣздилъ въ осеннее ненастье и по плохимъ дорогамъ и, тѣмъ не менѣе, успѣлъ довершить свой объѣздъ края. Весь этотъ объѣздъ совершенъ былъ Румянцевымъ въ $3\frac{1}{2}$ мѣсяца, и г. Максимовичъ съ полнымъ правомъ замѣчаетъ, что Румянцевъ за это время могъ посѣтить только главные города

Малороссіи и тѣ селенія, которыя лежали на пути къ этимъ городамъ (стр. 61). Не познакомившись съ краемъ путемъ личныхъ наблюденій, съ чужихъ словъ писалъ Румянцевъ о нуждахъ Малороссіи и о необходимыхъ реформахъ въ ней, но и послѣ поѣздки по Малороссіи онъ врядъ ли на много увеличилъ свое знаніе положенія края, ввѣреннаго его попеченіямъ. Можно рѣшительно сказать, что съ неудовлетворительною подготовкою приступилъ Румянцевъ къ управленію Малороссіею, но самъ онъ, какъ приходится полагать, считалъ себя подготовленнымъ.

3-ю главою заканчивается I часть—вводная—изслѣдованія г. Максимовича. Слѣдующая II часть изслѣдованія посвящена дѣятельности Румянцева, какъ генераль-губернатора Малороссіи. Во II ч. г. Максимовичъ разсматриваетъ дѣятельность Румянцева въ Малороссіи по отдѣльнымъ отраслямъ. I-я гл. этой части посвящена учрежденію почты (стр. 67—87). Представляя очеркъ исторіи почты въ Малороссіи, г. Максимовичъ указываетъ, что къ учрежденію почты Румянцевъ, по его словамъ, побужденъ былъ нуждами управленія; на почту онъ смотрѣлъ, какъ на источникъ казенныхъ доходовъ, но имѣлъ въ виду и интересы населенія. Разсмотрѣвъ Румянцевское „Учрежденіе о конной почтѣ въ Малороссіи“, отмѣтивъ недостатки устройства почты и причины слабаго развитія ея (слабое развитіе торговыхъ сношеній и непривычку населенія къ новому учрежденію), г. Максимовичъ заключаетъ главу объ учрежденіи почты признаніемъ почты „очень полезнымъ учрежденіемъ для Малороссіи“, указывая, что почта „въ государственномъ отношеніи, безъ сомнѣнія, содѣйствовала сближенію, какъ въ культурномъ, такъ и въ экономическомъ отношеніяхъ, Малороссіи съ Великороссіей“ (стр. 87). Авторъ, такъ заключая, не представилъ своему читателю данныхъ для сужденія о степени сближенія, благодаря почтѣ, Малороссіи съ Великороссіей въ культурномъ и экономическомъ отношеніяхъ. Почтовые доходы и расходы по годамъ показали бы степень развитія почтовыхъ сношеній въ Малороссіи. Въ одномъ мѣстѣ авторъ,

говоря о проволочкѣ въ уплатѣ прогонныхъ денегъ, приводитъ итогъ собранной почтовой суммы за одинъ періодъ времени (стр. 82).

2-я гл. II части посвящена введенію въ Малороссіи рублевого оклада (стр. 88—119). Авторъ въ этой главѣ говоритъ о повинностяхъ населенія въ отношеніи войскъ, стоявшихъ въ Малороссіи, до управленія ею Румянцевымъ и о тяготѣ этихъ повинностей для населенія, побудившей Румянцева замѣнить для населенія выдачу войскамъ съѣстныхъ припасовъ особымъ денежнымъ окладомъ, сохранивъ квартирную повинность. Авторъ рассматриваетъ, какъ раскладывался и взимался съ населенія такъ называемый рублевый окладъ и какъ онъ отражался на экономическомъ состояніи горожанъ и крестьянъ. Авторъ пришелъ къ заключенію, что такъ называемый рублевый окладъ легъ тяжелымъ бременемъ на крестьянъ, такъ какъ превысилъ прежніе сборы съ населенія на содержаніе войскъ, содѣйствовалъ большому обѣднѣнію крестьянъ и усилилъ крестьянскіе побѣги, отвѣтственность же владѣльцевъ за сборъ рублевого оклада съ крестьянъ усилила власть помѣщика надъ крестьянами, и рублевый окладъ былъ, такимъ образомъ, „одною изъ важнѣйшихъ причинъ прикрѣпленія крестьянъ въ Малороссіи“ (стр. 118—119). Въ примѣчаніи (1-е на стр. 119) авторъ указываетъ, что на рублевый окладъ, какъ „на причину въ созиданіи крѣпостного права почему-то не обратили должнаго вниманія спеціальные изслѣдователи вопроса о происхожденіи крѣпостного права въ Малороссіи“. Врядъ ли можно согласиться съ г. Максимовичемъ, что рублевый окладъ былъ одною изъ „важнѣйшихъ“ причинъ прикрѣпленія крестьянъ въ Малороссіи. Окладъ этотъ сыгралъ роль въ дѣлѣ прикрѣпленія крестьянъ, но не такую, какъ предположилъ г. Максимовичъ, заключающій 2-ю главу своего изслѣдованія разсужденіемъ: „Итакъ, если рассматривать введеніе рублевого оклада Румянцевымъ съ точки зрѣнія государственной, то нужно признать, что эта реформа была удачной, такъ какъ увеличила сумму доходовъ на содержаніе

расположенныхъ въ Малороссіи войскъ и ввела большій порядокъ въ собраніе этихъ денегъ; если же разсматривать эту реформу съ точки зрѣнія интересовъ низшихъ классовъ населенія Малороссіи—посполитыхъ, подсуѣдковъ и казачьихъ подпомощниковъ, то она ихъ не облагодѣтельствовала, какъ думалъ авторъ „Исторіи Руссовъ“, а, наоборотъ, содѣйствовала ихъ обѣднѣнію и закрѣпощенію“ (стр. 119). Обѣднѣніе крестьянъ врядъ ли даетъ основаніе признать Румянцевскій рублевый окладъ „удачной реформой“ „съ точки зрѣнія государственной“.

Слѣдующая 3-я гл. трактуетъ о заботахъ Румянцева въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія (стр. 120—189). Глава эта дѣлится на двѣ части: въ первой—мѣропріятія въ области высшаго и средняго образованія, во второй—въ области низшаго. Въ первой части г. Максимовичъ говоритъ о значеніи бывшихъ въ Малороссіи разсадниковъ просвѣщенія—Кіевской академіи и семинарій Черниговской и Переяславской, о несоотвѣтствіи этихъ школъ стремленію малороссійскаго общества XVIII в. къ широкому образованію, о проектѣ учрежденія университета въ Батуринѣ, о желаніяхъ малороссійскаго шляхетства въ царствованіе Екатерины II устроить университеты и гимназіи въ Малороссіи. Соотвѣтственно такимъ желаніямъ малороссійскаго общества Румянцевъ представилъ императрицѣ планъ реформъ по образованію въ Малороссіи, проектируя открытіе въ ней университетовъ, учрежденіе кадетскаго корпуса, женскихъ училищъ, музыкально-вокальныхъ и ремесленныхъ школъ. Всѣ эти проекты Румянцева, свидѣтельствующіе объ его желаніи насадить просвѣщеніе въ Малороссіи, не были осуществлены императрицею. Во второй части 3 гл., посвященной заботамъ Румянцева о низшемъ образованіи, рѣчь идетъ о школахъ въ старой Малороссіи; г. Максимовичъ, не раздѣляя мнѣнія изслѣдователей объ исчезновеніи этихъ школъ во второй половинѣ XVIII в., говоритъ о проектѣ обученія казачьихъ дѣтей, представленномъ гетману въ 1758 г. лубенскимъ полковникомъ

Кулябкою, и о результатахъ осуществленія этого проекта. Пользуясь архивнымъ матеріаломъ, авторъ представляетъ по вѣдомостямъ черниговскаго полка состояніе низшей школы съ шестидесятыхъ годовъ XVIII в. Приведя данныя о низшихъ школахъ въ другихъ полкахъ, г. Максимовичъ полемизируетъ съ мнѣніями изслѣдователей о причинахъ упадка или, даже, исчезновенія низшихъ школъ въ Малороссіи во второй половинѣ XVIII в., приводитъ данныя о числѣ казачьихъ и крестьянскихъ дѣтей въ школахъ. Заканчивается 3 гл. заключеніемъ, что малороссійская школа XVIII в. находится въ тѣсной связи съ древнерусскою школою; что упадка низшей школы въ концѣ XVIII в. не только не замѣтно, но, напротивъ, школа эта получила даже особое развитіе благодаря гетману Разумовскому и Румянцеву, которые сдѣлали обученіе въ школѣ казачьихъ дѣтей почти обязательнымъ; что прикрѣпленіе крестьянъ указомъ 1783 г. не могло существенно повліять на упадокъ или полное исчезновеніе малороссійскихъ школъ, такъ какъ главный контингентъ учащихся составляли казачьи дѣти, равнымъ образомъ и исчезновеніе мандрованныхъ дяковъ не могло существенно повліять на уменьшеніе числа школъ, такъ какъ дяки эти не были единственными учителями въ низшихъ школахъ. Румянцевъ, говоритъ авторъ, заботясь о народномъ образованіи въ Малороссіи, хотѣлъ поставить его на болѣе широкомъ и твердомъ основаніи, но его дѣятельность въ этомъ направленіи не получила утвержденія императрицы, и Румянцевъ ограничился поддержаніемъ существовавшихъ въ Малороссіи школъ, дѣйствуя въ этомъ отношеніи энергично (стр. 188—189). Эта глава изслѣдованія интересна и по представленнымъ авторомъ матеріаламъ и по выводамъ, къ которымъ онъ пришелъ на основаніи этихъ матеріаловъ.

Послѣдующія главы изслѣдованія г. Максимовича посвящены Румянцевской генеральной описи Малороссіи (стр. 190—357). 4-я гл.—„Генеральная опись Малороссіи“ трактуетъ о вліяніи „Записки“ Теплова на мысль Екатери-

ны II о ревизіи Малороссіи и о цѣли этой ревизіи. Устанавливая преимущественно фискальную цѣль этой ревизіи (стр. 194), авторъ ставитъ вопросъ, была ли связь между проектированной правительствомъ ревизіей, но не осуществленной, и генеральной описью Малороссіи, произведенной Румянцевымъ, и полагаетъ, что официальнаго указа о ревизіи въ Малороссіи Румянцевъ не получилъ, однако указаніе на производство ревизіи сдѣлано было ему императрицею въ данномъ ему „Наставленіи“; знакомство Румянцева съ цѣлями и планомъ проектированной Екатериною II ревизіи въ Малороссіи представляется г. Максимовичу несомнѣннымъ (стр. 197). Обращаясь къ предложенію Румянцева о производствѣ генеральной описи Малороссіи, сдѣланному малороссійской коллегіи 9 сент. 1765 г., авторъ выясняетъ цѣли этой ревизіи. Онъ указываетъ, что Румянцевъ стремился къ развитію и поднятію городовъ не только съ цѣлью фискальною, но имѣлъ въ виду интересы и городского населенія (стр. 208), въ отношеніи же къ владѣльческимъ землямъ и къ сельскому населенію имѣлось въ виду выяснить права владѣльцевъ на бывшія у нихъ земли (стр. 212) и представить матеріальное состояніе посполитыхъ людей въ интересахъ фиска, при чемъ регистрація сельского населенія въ Малороссіи связана была съ мыслью императрицы уничтожить вольный переходъ крестьянъ (стр. 213). Заключая, что генеральная опись Малороссіи преслѣдовала „скорѣе интересы государственныя, чѣмъ интересы большей части населенія Малороссіи, особенно крестьянства“ (стр. 214), г. Максимовичъ сравниваетъ генеральную опись съ предшествовавшими ей ревизіями Малороссіи и находитъ, что „содержаніе генеральной описи было выработано Румянцевымъ вполне самостоятельно, сообразно тѣмъ реформамъ, которыя онъ намѣтилъ провести въ Малороссіи“ (стр. 217). Далѣе авторъ сказавъ объ общей организаціи производства описи и объ инструкціи и дополненіяхъ къ ней, данныхъ комиссіямъ, назначеннымъ для производства описи, слѣдитъ за производствомъ описи по полкамъ въ виду того, что въ разныхъ

полкахъ условія способовъ производства описи были не-одинаковы. Интересъ представляютъ наблюденія автора надъ производствомъ описи по полкамъ. Прослѣдивъ такое производство въ Полтавскомъ полку, г. Максимовичъ указываетъ, что опись въ этомъ полку, незаконченная, производилась исключительно великорусскими офицерами, при пассивномъ отношеніи къ производству описи или уклоненіи отъ участія въ ней малорусской старшины, достовѣрность же показаній описи зависѣла отъ добросовѣстности производившихъ опись и отъ точности показаній самого населенія, отношеніе котораго къ производившимъ опись не всегда было дружелюбно (стр. 247—248). Разсмотрѣніе дѣлъ о производствахъ описи въ Миргородскомъ, Переяславскомъ и Лубенскомъ полкахъ привело г. Максимовича къ заключенію, что опись въ Миргородскомъ полку не была закончена, и произведенная часть ея не отличается точностью (стр. 263); въ Переяславскомъ полку опись производилась болѣе тщательно, но и эта опись не можетъ считаться законченною (стр. 277); къ такому же заключенію авторъ пришелъ и относительно описи въ Лубенскомъ полку (стр. 287). Говоря о производствѣ описи въ Переяславскомъ полку, г. Максимовичъ отмѣчаетъ, что комиссіи пришлось вносить въ опись земли, находившіяся въ общемъ владѣніи населенія—казаковъ, посполитыхъ и, даже, старшины. Г. Максимовичъ обращаетъ вниманіе на документы, свидѣтельствующіе, что владѣльцы земель, бывшихъ въ общемъ владѣніи, воспользовались производствомъ описи, чтобы просить о раздѣлѣ между ними такихъ земель, и комиссіи, производившія опись, производили раздѣлы земель. Отсюда авторъ заключаетъ, что „генеральная опись въ значительной степени содѣйствовала обращенію общевладѣемыхъ земель въ частную собственность“ (стр. 276). При этомъ г. Максимовичъ полемизируетъ съ мнѣніемъ проф. И. В. Лучицкаго о существованіи общиннаго землевладѣнія въ Малороссіи. Исходя отъ данныхъ Румянцевской описи, онъ указываетъ, что въ Малороссіи господствовало частное

землевладѣніе, и присоединяется къ мнѣнію проф. Д. И. Багалѣя, что въ Малороссіи преобладала личная земельная собственность, общинные же порядки не успѣли установиться въ общевладѣемыхъ земляхъ (стр. 274 прим. 2). О ходѣ описи въ полкахъ Кіевскомъ, Гадяцкомъ, Стародубскомъ, Прилуцкомъ, Черниговскомъ и Нѣжинскомъ авторъ говоритъ кратко, указывая на то, что дошедшія до насъ свѣдѣнія о производствѣ описи въ этихъ полкахъ отрывочны, а „относящіеся къ этимъ полкамъ дѣла или погибли вмѣстѣ съ другими дѣлами Малороссійской Коллегіи или же гдѣ-нибудь находятся и остались намъ неизвѣстными“ (стр. 288). Къ болѣе опредѣленному выводу авторъ приводитъ своего читателя, сообщая данныя о производствѣ описи въ Кіевскомъ полку (стр. 289—291). Разсмотрѣвъ производство описи по полкамъ, г. Максимовичъ подводитъ итогъ всему производству генеральной описи. Онъ отмѣчаетъ, что малороссійская старшина уклонялась отъ участія въ описи отчасти изъ желанія выразить свой протестъ противъ описи (стр. 300), а это отрицательно сказывалось на составленіи описи (стр. 302), населеніе же относилось къ производству описи враждебно, опасаясь увеличенія налогового бремени (тамъ же), къ тому же раздражаемое дѣйствіями членовъ комиссіи и повинностями въ пользу этихъ членовъ (стр. 303—304). Такое отношеніе населенія отразилось какъ на времени производства описи, такъ и на точности и вѣрности свѣдѣній, какія давало населеніе составителямъ описи (стр. 304). Опись, такимъ образомъ, протекала при условіяхъ неблагопріятныхъ. Позаботился ли Румянцевъ объ устраненіи этихъ условій? Авторъ указываетъ, что Румянцевъ въ самомъ началѣ производства описи уѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ пробылъ болѣе года, по возвращеніи же въ Малороссію заботился, главнымъ образомъ, о скорѣйшемъ окончаніи описи, а такая забота должна была отразиться самымъ неблагопріятнымъ образомъ на качествѣ самой описи. Румянцевъ, пишетъ г. Максимовичъ, проявилъ „непониманіе всей трудности и гранді-

озности выполненія такъ хорошо задуманной имъ описи“, и „роль Румянцева въ производствѣ описи нужно признать отрицательной, особенно въ отношеніи къ той части описи, которая составлялась послѣ его возвращенія изъ Петербурга“ (стр. 315).

Въ послѣдней главѣ своего изслѣдованія авторъ говоритъ о степени достовѣрности данныхъ описи, объ ея судьбѣ и значеніи. Онъ оговаривается, что, въ виду невозможности детально ознакомиться съ громаднымъ количествомъ данныхъ въ Румянцевской описи, исходитъ въ своей оцѣнкѣ степени достовѣрности этихъ данныхъ отъ немногочисленныхъ работъ, посвященныхъ разработкѣ Румянцевской описи, и отъ представленнаго имъ самимъ образца производства ея по полкамъ. Онъ приходитъ къ заключенію, что данныя описи о числѣ дворовъ и постройкахъ въ нихъ можно считать вполне достовѣрными (стр. 319—320); что населеніе въ описи показано съ полнотою, не уступающею современнымъ требованіямъ статистики, и данныя описи о числѣ и составѣ населенія заслуживаютъ довѣрія (стр. 321—322); что данныя описи о количествѣ скота, считавшагося главнымъ показателемъ имущественнаго благосостоянія cadaго хозяйства, «заслуживаютъ извѣстнаго довѣрія» (стр. 323); что торгово-промышленныя заведенія и сельскохозяйственныя предприятия „зарегистрированы правильно“ (стр. 327); что показанія о доходахъ населенія очень сомнительны (тамъ же); что къ даннымъ о ремеслахъ и промыслахъ „нужно относиться съ осторожностью“ (стр. 328); что показанія о земельныхъ угодіяхъ внушаютъ сомнѣнія въ точности ихъ (стр. 330 и слѣд.). Авторъ полагаетъ, что „вывести общее сужденіе о достовѣрности Румянцевской описи нельзя, такъ какъ опись каждой отдѣльной мѣстности могла имѣть свои индивидуальныя особенности, вліявшія такъ или иначе на степень достовѣрности ея данныхъ“. Считая болѣе достовѣрными тѣ данныя описи, которыя „были наиболѣе легкими для регистраціи и наиболѣе осязаемыми“, г. Максимовичъ находитъ менѣе до-

стовѣрными данныя, свѣдѣнія о которыхъ ревизоры могли получить отъ самого населенія; къ этой категоріи онъ относитъ показанія о доходахъ, промыслахъ, количествѣ посѣвовъ и о сѣнокосахъ, наименѣе же достовѣрными полагаетъ указанія размѣровъ пахотной земли, усадебъ, лѣсовъ и луговъ (стр. 344).

Заканчиваетъ авторъ эту послѣднюю главу своего изслѣдованія повѣствованіемъ о судьбѣ Румянцевской описи и оцѣнкою значенія ея въ современную ей эпоху и въ послѣдующее время, какъ историческаго источника. Говоря о значеніи Румянцевской описи въ современную ей эпоху, авторъ отмѣчаетъ, что „возникаетъ вопросъ, вполне ли довѣрялъ Румянцевъ точности и достовѣрности всѣхъ данныхъ описи“ (стр. 354). Такимъ образомъ, роль Румянцева въ производствѣ описи, по оцѣнкѣ автора, отрицательна, и самъ Румянцевъ, какъ допускаетъ авторъ, не вполне довѣрялъ описи, которая не можетъ быть признана удавшеюся.

Въ концѣ главы своей, посвященной Румянцевской описи, авторъ представляетъ оцѣнку своимъ изысканіямъ надъ нею: „подробнымъ разсмотрѣніемъ условій и способовъ производства описи и анализомъ самихъ данныхъ описи мы и хотѣли положить только начало къ такого рода критическому изслѣдованію данныхъ Румянцевской описи; но такого рода работу мы считаемъ далеко недостаточною для полнаго освѣщенія достовѣрности описи, это только первая ступень для рѣшенія этого важнаго и труднаго вопроса“ (стр. 357). Авторъ, такимъ образомъ, самъ признаетъ, что Румянцевская опись ждетъ еще изслѣдованія, и съ такимъ признаніемъ нельзя не согласиться.

Посвятивъ изъ 357 стр. своего изслѣдованія 167 стр. Румянцевской описи, авторъ обратилъ свое вниманіе на памятникъ, мимо котораго не можетъ пройти историкъ Малороссіи. Проф. Д. И. Багалъй, въ одной изъ своихъ статей привлекая вниманіе изслѣдователей къ Румянцевской описи, называлъ ее „драгоцѣннѣйшимъ матеріаломъ

для изученія внутренней бытовой исторіи Малороссіи въ половинѣ XVIII в. въ хозяйственномъ и экономическомъ отношеніяхъ: тамъ мы только найдемъ рѣшеніе вопросовъ о землевладѣніи, сельскомъ хозяйствѣ, бытѣ городского, дворянскаго, казацкаго и крестьянскаго сословія“... („Генеральная опись Малороссіи“, Кіевск. Старина, 1883 г., ноябрь, стр. 431). Въ дѣло изученія этого, столь цѣннаго для исторіи Малороссіи, памятника г. Максимовичъ внесъ свой вкладъ.

Главою о Румянцевской описи заканчивается изслѣдованіе г. Максимовича. Читатель вправѣ ожидать, что авторъ изслѣдованія, посвященнаго дѣятельности Румянцева, какъ правителя Малороссіи, разсмотрѣвъ дѣятельность его по статьямъ, подведетъ общій ей итогъ, но этого нѣтъ. Такой итогъ представляется тѣмъ болѣе умѣстнымъ, что съ оцѣнкою дѣятельности Румянцева, какъ правителя Малороссіи, представленною г. Максимовичемъ, не во всемъ можно согласиться.

Къ изслѣдованію своему г. Максимовичъ приложилъ заимствованные преимущественно изъ Архива Харьковскаго историко-филологическаго Общества документы, относящіеся къ производству Румянцевской описи и образцы ревизій въ Малороссіи до этой описи (стр. 359—399).

То обстоятельство, что г. Максимовичъ пользовался для своего изслѣдованія обширнымъ архивнымъ матеріаломъ, имѣя въ виду существующую литературу, дѣлаетъ трудъ его цѣннымъ. Въ массѣ архивнаго матеріала, бывшаго въ его распоряженіи, онъ не потерялся, но, задавшись цѣлью представить дѣятельность Румянцева по управленію Малороссіей, не использовалъ весь архивный матеріалъ, что и не скрываетъ отъ своего читателя. [(Предисловіе, стр. II. Г. Максимовичу извѣстно, что въ Военно-ученомъ Архивѣ Главнаго Штаба находится Архивъ военно-походной канцеляріи гр. П. А. Румянцева (стр. 24, примѣчаніе 4—9). Объ этомъ Архивѣ въ „Опытѣ русской исторіографіи“ акад. В. С. Иконникова I, стр. 475)].

Разсмотрѣнное сочиненіе г. Максимовича, за которое онъ удостоился ученой степени магистра русской исторіи, является самостоятельнымъ изслѣдованіемъ, написаннымъ на основаніи архивнаго матеріала, при критическомъ къ нему отношеніи (рецензія офиц. оппонента г. Максимовича въ Ж. М. Нар. Пр. 1914 г., июль, стр. 177). Недочеты, которые встрѣчаются въ сочиненіи г. Максимовича, не препятствуютъ, на мой взглядъ, признать это сочиненіе достойнымъ преміи согласно §§ 4 и 5 Положенія о преміяхъ, учрежденныхъ въ память 25-лѣтія царствованія императора Александра II при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ.

В. Савва.

339 095

Центральная Научн.
библиотека